

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО (ОТРЫВКИ)

Р.С. Хакимов, директор Института истории Академии наук РТ

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

Предисловие

О евразийстве, возникшем в 20-е гг. XX в., вспомнили вместе с «гласностью» после начала реформ М.С.Горбачева. В годы «перестройки» коммунистическая идеология сдавала позиции, а либерализм набирал обороты. Популярный лозунг «Иного не надо!», выдвинутый демократическим течением, отражал ожидания общества по выходу из состояния советского «застоя». Сегодня молодому поколению трудно объяснить, что такое «застой», ведь по многим показателям страна после стольких лет якобы грандиозных достижений пытается выйти на уровень прежних лет. Можно друг друга убеждать, что рыночные отношения лучше, чем социалистическая система централизованного управления, что демократия дает простор развитию личности, а граждане получили возможность выезжать в разные страны, но факт остается фактом – мощнейшая сверхдержава стала рядовой страной.

Что лучше для человека? То, что получили сегодня, или то, что имели вчера? Написано немало книг, в которых доказывается неизбежность произошедшего в СССР. Даже коммунисты притихли, кто-то смирился со случившимся, другие приспособились к рыночным условиям и довольны коммунизмом в отде-

льно взятой семье. Либералы отчаянно оправдываются, поскольку их перспективы на политической арене плохо просматриваются. Но то, что случилось, не нуждается в оправдании. В этом нуждается будущее.

Отчего же страна взорвалась? Возможно, «застой» надоел, как некоторым сегодня надоела демократия. Известный американский философ Фрэнсис Фукуяма, рассуждая о мировой политике, говорит, что «люди устали жить в состоянии мира и процветания. Им необходимы новые организующие принципы»¹. Видимо, в СССР произошло что-то подобное. Конечно, интеллигенция СССР хотела больше свободы и открытости, среди элиты народов страны было недовольство национальной политикой, а простые люди устали от очередей, отсутствия жилья, неустроенности. В обществе не рассуждали о либерализме, демократии, а просто хотели перемен. Но наступило то, чего никто не ожидал – рухнула сверхдержава, а вслед за этим весь социалистический лагерь. Политическую атмосферу заполнили идеи демократии, рыночной экономики, возрождения национальных и религиозных традиций. Обанкротившийся коммунизм, привлекательная демократия, ностальгирующая религия, радужные национальные чувства – все

перемешалось в головах и вместо прежних ясных идеологических установок образовался сгусток из обрывков разнородных сюжетов. Люди какое-то время находились в ожидании лучшей жизни, а затем занялись обустройством быта.

Идейный вакуум не может продолжаться долго, общие ценности являются обручами, стягивающими общество в государственный организм. В отсутствии этих ценностей в любой стране начинается разложение.

Вопрос о естественности распада СССР неоднозначный. От ответа на него зависит понимание ситуации на евразийском пространстве. Для России Евразия всегда была территорией ее геополитических интересов. Сегодня она возвращается к положению времен Петра I. Выходы к морям затруднились (на Каспии с ее огромными запасами нефти надо решать вопросы со многими странами, а не только с Ираном, как это было раньше), в Прибалтике положение ослабло (потеряны порты в Прибалтике), на Черном море идет спор из-за Севастополя с Украиной. На западной границе сфера влияния резко сузилась. Страны бывшего социалистического лагеря в срочном порядке из Восточной Европы перекашиваются в Центральную Европу, заняв очередь для вступления в Евросоюз. Даже ближайшие «союзники» в лице Украины и Белоруссии держат дистанцию, предпочитая роль «буферной зоны» между НАТО и Российской Федерацией (РФ). Влияние страны на Кавказе резко ослабло. На юге у России неопределенность, а на севере — тундра.

Россия остается огромной страной по территории, но это скорее недостаток, чем преимущество. Ей приходится иметь дело с практически такими же по протяженности границами, как в бывшем СССР, но в худших экономических, демографических условиях. Экономический потенциал России резко уменьшился, при этом из-за отпадения более «теплых» республик страна стала еще более «северной», т.е. еще более «холодной», а значит затратной, освое-

ние Сибири и Севера приостановилось, протяженные и плохие дороги делают кооперацию внутри страны малорентабельной, что разрушает целостность экономики. К демографическому кризису добавился вопрос о миграционной политике и т.д. и т.п. Любители хвалиться самой большой территорией в мире не понимают, что размеры не определяют величие страны. Геополитическое, социально-экономическое положение России незавидное. А у слабой России будущее оказывается «темным».

Вызовы XXI в. требуют адекватных ответов со стороны российских политиков. США — монополист во внешней политике и с РФ считается только по вопросам стратегических вооружений, Европейский Союз экономически укрепляется и дела в Европе держит в своих руках, Юго-Восточная Азия давно вышла за рамки регионального фактора, экспансия Китая заставляет пересматривать с ней отношения даже ведущие государства мира. На старте мировой гонки находятся Индия, Иран. Все эти страны расположены вокруг России, так или иначе влияют на ее политику и экономику. Чем Россия ответит на эти вызовы? Она уже осталась рядовым агентом в международных отношениях, а в экономическом плане превратилась в экспортера сырья, а с такими в мире обращаются достаточно жестко. А.Арбатов пишет: «Среди западных политиков есть различные мнения относительно того, какая Россия им более выгодна. Но совершенно очевидно, что об интеграции с сырьевым придатком не может быть речи. У придатка берут нефть и газ, избегая при этом монопольной зависимости и отгораживаясь военно-политическим брандмауэром от непредсказуемости и неустойчивости авторитарного режима»². Высокотехнологичные отрасли России давно неконкурентоспособны, даже по сравнению с развивающимися странами. Постепенно Россия становится сырьевым придатком не только развитых стран, но и Китая, Юго-Восточной Азии. При этом, учитывая нестабильность ситуа-

ции в России, импортеры активно ищут альтернативные источники сырья.

Зависимость России от экспорта сырья будет расти. Причина кроется в общей политике, ориентированной не на развитие регионов, а закрепление их зависимости от федерального бюджета. В таком варианте субъекты федерации становятся заинтересованными не в использовании местного потенциала, а в наращивании поступлений из центра. Практика показывает, что доноров становится все меньше и меньше, а вместе с тем страна превращается в одного реципиента, зависящего от федеральной казны, которая, в свою очередь, зависит от цены на сырье. Бесспорно, «управляемость» страной растет, но вместе с этим на российском поле появляются новые игроки в лице госкорпораций. Они приобретают не только экономический, но и политический вес. Разве можно сравнить по значению для судеб страны «Газпром» или «Роснефть» с партией «Единая Россия»? Конечно, нет, это разные весовые категории. А другие партии и вовсе существуют для разнообразия. Партии становятся ненужными, да и народ как избиратель теряет значимость. В этой прочной на вид схеме есть один существенный изъян — ослабление регионов ведет к стагнации России, а вместе с усилением госкорпораций растет непредсказуемость политики. Логика требует децентрализации администрирования, без чего невозможно поставить на ноги регионы, но общая идеология ориентирована на усиление централизации и увеличение добычи сырья.

Вызовы времени вынуждают страны мира интегрироваться вокруг трех мощных центров торговли. Северная Америка и Латинская Америка заканчивают процесс объединения в общую торговую зону. Европейский Союз стал состоявшимся фактом. Азиатско-тихоокеанский регион формирует свою зону торговли вокруг Японии, Китая, Кореи, Тайваня, Сингапура, включая даже Индию, Австралию и Новую Зеландию. Три игрока будут определять будущее

планеты — объединенная Америка, объединенная Европа и Юго-Восточная Азия. Россия из этого процесса выпала, как и исламский мир. Экспортерам сырья нет потребности в создании торговых зон.

Сырьевая ориентация не может продолжаться долго, не только потому, что запасы уменьшаются. Есть и другая причина. Опора на экспорт сырья ведет к постепенному вырождению всех сфер жизни. «Сырьевые» страны не бывают развитыми, разве что в сфере разработки природных ресурсов. Для России работать на понижение интеллектуального уровня общества и технологическое отставание, значит идти против магистрального пути развития человечества. Регресс неизбежен.

Слабая Россия не имеет перспектив, а сильной за счет экспорта сырья она стать не сможет. Ей нужно искать свою нишу в мировой экономике. Евразия — возможный вариант для создания общего рынка и экономической кооперации.

Для оценки реальности евразийского союза следует ответить на вопрос естественности распада СССР. Если распад был неизбежен, то страны СНГ не будут стремиться к интеграции и Евразия останется всего лишь географическим понятием.

До сих пор идут споры о том, кто именно развалил СССР или почему Союз не мог сохраниться. Называются экономические причины, архаичность государственных структур, национальный фактор и т.д. Стивен Коэн в качестве главного фактора выдвигает роль лидеров М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. «Именно противоположные, — пишет он, — но симбиотически связанные воли двух экстраординарных политиков — экстраординарных еще и в том, что появились они в один и тот же исторический момент и в отдельности судьба каждого из них могла сложиться иначе, — и привели к концу Советского Союза»³. Автор особо отмечает, что неубедительными являются доводы о том, что систему «сгубил институт на-

циональных республик, поскольку их поведение обычно определяется поведением руководящих ими элит. Они не возмущались, когда в 1980-е гг. демократические реформы Горбачева постепенно подрывали их власть, и молчали, когда в августе 1991 г. московские путчисты грозили вернуть республики под жесткий контроль центра. На путь независимости они ступили лишь после того, как Ельцин в Москве проложил им дорогу⁴. Следует заметить, что далеко не все республики встретили свою независимость с энтузиазмом. По крайней мере, лидеры азиатских республик были уязвлены тем, что судьба СССР в Беловежской пуще решалась без них.

Национально-государственный принцип федерализма в СССР не был катализатором распада, но и не сдерживал развал государства. Правда заключается в словах Даниеля Элазара, который еще в советские времена сказал: «Единственная надежда для выживания СССР заключается в создании подлинного федерализма»⁵. Если бы СССР был настоящей федерацией, республики стали бы препятствием для роспуска страны.

Итак, для распада СССР не было роковых обстоятельств, существовал выбор между советским строем и возможностью трансформации общества, наподобие Китая. Проект Союзного Договора был достаточно хорошо продуман и устраивал большинство республик СССР, но общество захлестнули эмоции, а централизованные структуры не смогли (или не хотели) стать препятствием центробежным тенденциям.

Современное прочтение истории необходимо не только для России, но и для понимания путей возможной интеграции народов Евразии, что становится актуальным по политическим и экономическим соображениям. Освоение огромного азиатского рынка, строительство и обслуживание транспортных коридоров, проходящих из Европы через Россию и Казахстан в Китай, необходимость совместной борьбы с терроризмом и наркотрафиком, а также

другие интересы требуют выработки общих позиций. В этом деле могут помочь евразийские идеи. 26 мая 2006 года в лекции Н.А. Назарбаев особо подчеркнул, что евразийская идея сегодня имеет новое измерение: «Евразийство — это идея XXI века. Это идея будущего. Это алмаз в короне интеграционных процессов, которые требует сегодня глобализация. Есть критики этой идеи, но я считаю, что она осуществляется. Три практические вещи — ЕвразЭС, СВМДА и ШОС — это три составляющих будущего евразийства». И при этом, добавил он, — «этой идее нужна духовная, научная база»⁶. Идея евразийства жива и нуждается в новой интерпретации с позиций XXI в.

Евразийство выглядит как альтернатива уже исчерпавшим себя концепциям и оно, несмотря на спорные моменты, содержит ряд разумных идей, связанных с объяснением природы и истории российского сообщества; пониманием единства двух континентов Европы и Азии; ответственностью за ситуацию на постсоветском пространстве. Существует в евразийстве неприемлемое с позиций сегодняшнего дня утверждение о несовместимости цивилизаций Запада и Востока. При всем различии европейской и восточной культур нельзя принять идею столкновения цивилизаций, о чем сегодня модно рассуждать. Действительно, классические евразийцы достаточно убедительно продемонстрировали губительность романо-германского влияния на Россию, значение восточного, в частности, тюрко-татарского влияния на природу России, но в то же время опыт Евразии показывает, что благодаря кочевой цивилизации, Тюркским каганатам, Монгольской и Российской империям стало возможным соединение Востока и Запада. Именно это может стать ключевым направлением в евразийской политике.

После распада СССР возможность реализации евразийского проекта резко уменьшилась, поскольку реальная база Евразии разрушена, а СНГ это весьма

призрачный союз, похожий на «мягкий развод». Страны СНГ держат дистанцию с Россией, они, казалось бы, ближайшие союзники, не стали признавать Абхазию в качестве независимого государства. Возникает вопрос: кому нужна Евразия как союз? России? Тогда почему она собственными руками разрушила СССР? Странам СНГ? Но Украина и Грузия стремятся попасть в НАТО. Азербайджан все теснее сотрудничает с Турцией и Ираном. Туркмения избрала политику нейтралитета. Узбекистан по количеству населения стал самым крупным государством Центральной Азии, его вес и амбиции будут расти. Не случайно он лавирует между США и Россией. Казахстан быстро развивается как экономически, так и во внешнеполитическом плане. Армения ищет общий язык с Турцией, без чего у нее нет перспектив для развития. Страны СНГ различаются по интересам и культуре, с каждой из них у России есть какие-то застарелые проблемы. Общие интересы сводятся к вопросам снятия таможенных барьеров, укреплению безопасности перед угрозой терроризма, уничтожению наркотрафиков, миграционной политике. То, что осложняет отношения, — это усиление культурных различий, интересы мировых держав, укрепление исламского фундаментализма, близость Афганистана. Нужно хорошо постараться, чтобы евразийский проект состоялся.

В современной политике наблюдается странная противоречивая ситуация. С одной стороны, всячески превозносятся «петровское», т.е. как бы европейское начало и даже город Петербург в качестве «второй столицы», с другой — все это сопровождается критикой Запада. Такое противоречие существует только на первый взгляд. На самом деле Петр I никогда не нуждался в западных либеральных идеях, он в Европе искал оружие, технологию для строительства флота, систему организации централизованного государства. Ему не нужен был свободный народ, а потому он ужесточил крепостное право и меч-

тал лишь о такой России, которая стала бы активным агентом европейских дел. Ему Запад как таковой был не нужен, достаточно было создать устрашающую армию. Петр I точно так же повернулся бы лицом к Оттоманской империи, если бы увидел там то, что ему нужно, ведь он был не религиозен — православия терпеть не мог, протестантом не стал, а мусульман не любил из-за золотоордынского наследия, от которого старался избавиться всеми силами. Он к русским относился как к материалу для исполнения своих амбиций, в свое окружение на службу набирал иностранцев, среди которых немало было искателей наживы. Как пишет князь Н.С.Трубецкой, «знаменитые “птенцы гнезда Петрова” были большею частью отъявленными мошенниками и проходимцами, воровавшими несравненно больше прежних приказных. То обстоятельство, что, как с грустью отмечают русские историки, “у Петра не нашлось достойных преемников”, было вовсе не случайно: действительно — достойные русские люди и не могли примкнуть к Петру»⁷. Изображение Петра как прозападного политика ошибочно. Он, действительно, открыл «окно в Европу» и тем самым содействовал проникновению европейского влияния на умы, но это никак не входило в его планы, как и намерения Екатерины II, которая общалась с просветителями Европы для собственной забавы, ведь деспотию в стране она не ослабила.

Результат укрепления связей с Европой был двояким. «Правительству нравились из европейских идей только идеи империализма, милитаризма, воинствующего шовинизма и эксплуататорского капитализма, — пишет Н.С. Трубецкой. — Общество же прельщалось другими европейскими идеями — идеями либерализма, парламентаризма, народопрямства, разного вида свобод, социализма и т.д. Образовывались разные партии, каждая из которых желала переделать русский материал сообразно какой-нибудь одной из этих европейских идей, а не со-

образно с теми европейскими идеями, которые нравились правительству. По существу, между всеми этими партиями и правительством имелось глубокое сходство, одна основная общая черта: игнорирование живой индивидуальности России, взгляд на нее только как на бездушный материал, из которого предстоит создать здание, сообразное тем или иным чужим, европейским идеям»⁸. Как видим, в прозападном направлении присутствовало два течения: «петровское», как чисто имперское, и совсем другое – либеральное, причем в последнем случае не всегда присутствовало антирусское. Безусловно, критика России как отсталой («страна рабов, страна господ») была присуща всей интеллигенции, но по существу либеральное и русское начала вполне могли сочетаться. Пушкин – самый национальный писатель в русской культуре, был воспитан европейской, прежде всего, французской литературой. Пушкин писал Чаадаеву по-французски: «Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы. Он более близок мне, чем наш собственный». Французская культура воспринималась как цивилизация в отличие от всего российского, но при этом она стимулировала сугубо национальные чувства. Как писал один из поэтов допушкинской поры, «рукой победной, но в рабстве мы умами, клянем французов мы французскими словами».

«Брожение умов», вызванное либеральными течениями, породило замечательную плеяду выдающихся личностей, прославивших русскую культуру на весь мир. Политики, к сожалению, к этой плеяде не относятся. При всем блеске русской литературы, музыки, искусства политики были на редкость серыми и мелкими. В длинном списке «вершителей судеб» выделяются Иван Грозный, Петр I и Сталин – все деспоты с невиданным размахом. Чингизхан на их фоне просто меркнет своей психической уравновешенностью, а Батухан, как писали русские летописцы, истинный «саин», т.е. справедливый.

Противопоставление Востока и Запада, «московской» и «петровской» линий не объясняет всей сложности борьбы общественных сил в России. Критика евразийцами Европы как врага России слишком прямолинейна. Ущербность в подходах евразийцев в свое время тонко почувствовал Н.Бердяев, который писал: «В евразийстве есть элементы зловредные и ядовитые, которым необходимо противодействовать. Многие старые русские грехи перешли в евразийство в утрированной форме. Евразийцы чувствуют мировой кризис. Но они не понимают, что окончание новой истории, при котором мы присутствуем, есть вместе с тем возникновение новой универсалистской эпохи, подобной эпохе эллинистической. Ныне кончаются времена замкнутых национальных существований. Все национальные организмы ввергнуты в мировой круговорот и в мировую ширь. Происходит взаимопроникновение культурных типов Востока и Запада. Прекращается автаркия Запада, как прекращается и автаркия Востока»⁹. В словах Н.Бердяева много правды. Он многое предсказал из сегодняшнего дня. Его опасения, что евразийство «может обернуться русским фашизмом», заставляют задуматься над геополитической стороной этой концепции.

Сомнителен также вывод евразийцев о самодостаточности пространства Турана. Как раз дух Чингизхана, о чем они много и проникновенно писали, чужд какой-либо изоляции, он не противопоставляет, а соединяет Восток и Запад. Так было в средние века, тем более это присуще нашему времени. Н.Бердяев писал пророчески: «Тот духовный поворот, который я характеризую как переход от социалистического мироощущения к мироощущению космическому, будет иметь и чисто политические последствия и выражения. Будет преодолен социально-политический провинциализм. Перед социальным и политическим сознанием станет мировая ширь, проблема овладения и управления всей поверхностью земно-

го шара, проблема сближения Востока и Запада, встреч всех типов и культур, объединения человечества через борьбу, взаимодействие и общение всех рас. Жизненная постановка всех этих проблем делает политику более космической, менее замкнутой, напоминает о космической шире самого исторического процесса»¹⁰. Н. Бердяев раньше других почувствовал наступление эры глобализации.

Современное прочтение евразийства, исключаящее противопоставление Востока и Запада, склонность к преувеличению геополитического пространства как самодовлеющего фактора, учет наличия множества независимых государств на месте бывшего СССР, может сделать его перспективным мировоззрением, устраивающим как русских, так и другие народы, как демократов, так и живущих воспоминаниями о великой России.

Сегодня сильны антизападные настроения в стране. На самом деле, у России, как и у Запада, есть общий вектор истории — это признание свободы как самоценности. Иммануил Кант утверждал, что «история мира есть не что иное, как прогресс осознания Свободы». Конечный смысл истории, ее направленность в расширении свободы. Выжидали и прогрессировали те цивилизации, которые повышали степень свободы человека. У остальных была участь реликтовых культур. Свобода, в конечном счете, объясняет и экономическое, и техническое развитие. На какое-то время тиранические, деспотические режимы давали военные или экономические преимущества, но в долговременном масштабе политическая свобода предопределяет развитие духа, а свободный дух приводит к научным, техническим открытиям, повышает конкурентоспособность страны и народа. Преобразующий дух требует знаний и воли. Так было всегда. «Свобода, — пишет Джон Стюарт Милль, — есть единственный верный и неизменный источник всякого улучшения: там где существует свобода, там может быть столько же неза-

висимых центров улучшения, сколько индивидуумов»¹¹. К свободе стремятся все народы, все цивилизации, она выстрадана всем человечеством, а не только Европой. Крестовые походы, войны протестантов и католиков, Ренессанс и Просвещение, революции в Европе, Первая, Вторая мировые войны, антиколониальная борьба и т.д. Сколько судеб связано с этой борьбой за свободу. Трудно сказать, насколько философия либерализма обозначает конец истории, как утверждает Фрэнсис Фукуяма, но человечество пока не изобрело более всеобъемлющего мировоззрения. Идея либерализма снимает самые острые противоречия между культурами. «Политический либерализм в Англии, — пишет Фрэнсис Фукуяма, — положил конец религиозным войнам между протестантами и католиками, которые чуть не уничтожили страну в семнадцатом веке: с его появлением религия потеряла свое жало, потому что стала терпимой»¹². Либерализм — универсальная идея.

Главное препятствие на пути к свободе сам человек. Он жаждет свободы, но он же боится ответственности, а потому рано или поздно бежит от нее. Все это хорошо описал Ф. Достоевский в романе «Братья Карамазовы»: «Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они создали богов и зывали друг к другу: “Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!” И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами... Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть». Фашизм стал реакцией на расширение свободы человека, чрезмерную ответственность, от которой человек бежал и искал успокоения совести в подчинении власти. Он готов принять любую идеологию, любые политические структуры и символы,

которые создают видимость смысла и вносят порядок. Чувство свободы захлестывает человека и он готов принять диктатуру. Этот феномен Эрих Фромм назвал «бегством от свободы»¹³. Эта внутренняя человеческая трагедия заложена в самом стремлении к свободе, но вектор истории неизменен, а значит и либерализм неизбежен. Весь вопрос заключается в том, чтобы найти собственный путь к свободе.

Как совместить расширение либеральных настроений в мире и неистребимый имперский инстинкт, характерный для России? В чем надежда? Евразия как союз государств и народов, как самостоятельная цивилизация может состояться только при равноправных и справедливых отношениях, что претит российскому сознанию. Не меньше проблем и в постсоветских республиках, как экономического, так и политического плана. Многие из стран СНГ не стремились к выходу из состава СССР, но, невольно оказавшись независимыми, не могут вернуться к прежним отношениям «старших» и «младших» братьев. Старая эпоха закончилась, а для выстраивания новых отношений нужны новые идеи, а главное — политическая воля.

Все евразийцы, несмотря на различия в подходах к отдельным вопросам, сходятся на том, что «становой хребет» Евразии — славяно-тюркское единство. «Если эта ось будет разрушена, — пишет А.Панарин, — цивилизационно насыщенное российское пространство станет “вакуумом”, куда устремятся силы, не связанные нормами и кодексами того общезития, которое сложилось в этом пространстве в течение многих веков. Это должны понять все: и русские, и нерусские»¹⁴. А.Панарин, который известен как философ православного толка и которого трудно заподозрить в симпатиях к тюркам, считает, что для русских нужен стратегический союз с мусульманами.

Постсоветское пространство может быть интегрировано только как Евразия, но это возможно только при стра-

тегическом союзе славянских, тюркских и других народов.

Идеологический надлом

Странная тишина наблюдается на идеологическом фронте. Нет борьбы с коммунистами, шельмования либералов, ни тебе предложений экзотических конструкций, вроде «лимоновцев», русских национал-социалистов, монархистов и анархистов. Нет дискуссий, нет критики руководства страны. Только советский период с жесткой цензурой был чем-то похож своей идейной серостью на сегодняшнюю картину. На рубеже тысячелетия после шумного периода «гласности» в условиях демократии источник идей иссяк.

Кризис российской общественной мысли налицо, но это связано не с отсутствием талантов, которые, кстати, охотно востребованы во многих странах мира. Дело совсем в другом. Обстоятельства требуют смены парадигмы мышления, а инерция мышления связана с идеологией расширения территории страны. Слишком серьезный исторический поворот совершила «Большая Россия» (СССР), расколовшись на самостоятельные государства. Россия всегда только расширялась. Даже после революционной катастрофы 1917 г., когда на месте царской России стали нарождаться независимые государства, территория была почти восстановлена с относительно небольшими потерями в лице Финляндии и Польши. А с возникновением социалистического лагеря сфера влияния СССР увеличилась. Казалось, ничто не остановит этот колонизаторский марафон, но Россия поперхнулась своим же геополитическим размахом. Государственная мощь стала слабостью, ибо приращение территорий не подкреплялось их обустройством.

Распад СССР обозначил не только территориальный, экономический, геополитический, но и идеологический кризис. Если территориальный распад остановился и, видимо, приобрел свои «естественные границы», то экономическая перестройка пока еще оконча-

тельно не определилась, геополитическая мысль мечется между иллюзиями о восстановлении статуса сверхдержавы и реалиями аутсайдера «восьмерки» и «двадцатки» самых влиятельных стран, а внешняя политика тем временем приобрела прагматически церемониальный характер. Хуже всего обстоит дело в идеологической сфере, где положение можно назвать катастрофическим. Отсутствие свежих идей подкрепляется критическим отношением общественного мнения к понятию «идеология». Поэтому ее заменили политтехнология и ПИАР, которые мало чем отличаются от обычной рекламы товаров и услуг.

Фактически кризис начался в начале XX в. Революция 1905 г. стала сигналом, требовавшим смены идеологических конструкций, но в ответ прозвучала монархическая реакция с ужесточением политического режима. Совершенно неудивительно, что в ответ вспыхнула еще одна революция 1917 г., которая сопровождалась сменой одной мессианской идеологии на новую – коммунистическую, но с той же парадигмой расширения территории.

Перестройку многие исследователи рассматривают как революцию, вызванную годами «застоя», результатом недееспособности советской системы и коммунистической идеологии. Однако Китаю коммунистическая партия не мешает развиваться быстрыми темпами, заимствовать достижения мира, стимулировать рыночную экономику, учить молодежь в лучших университетах мира. Проблема заключалась не в этом. Конечно, демократия и рынок как механизмы развития государства достаточно эффективны при наличии соответствующих условий, но они не являются отмычкой к любому замку. Собственные национальные традиции оказываются фактором, без учета которого не работает самая замечательная схема трансформации общества.

Революция 1917–1918 гг. не решила проблему перехода от империи к федерации, замены произвола и насилия законностью, отказа от колонизаторского

духа и перехода к обустройству территории. Без этих условий рыночная экономика и демократические принципы не могут работать в принципе. С началом перестройки демократические силы боролись с коммунистами за власть, но не за страну. В результате страна столкнулась с теми же проблемами, которые уже стояли в начале XX в., и вновь их не сумела решить. Можно было начать с федерализации СССР и спасти страну, но политическая воля была готова к разрушению, но не к созиданию.

С распадом «Большой России» были выбиты из-под ног опорные идейные ценности, поскольку российское сознание не терпит уменьшения территории. Оно может согласиться на монархию, или же коммунистический режим, но при условии расширения мощи государства, ведь территориальные завоевания в течение столетий требовали не только много усилий, но и формировали определенный психологический тип народа. Итогом территориальной экспансии стало то, что Н.Бердяев выразил в следующих словах: «Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней»¹⁵. Поэтому русский думает, что «не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым»¹⁶. Но вот изменились функции государства, а идеологи не могут отрешиться от наследия державности. Даже у либерально настроенных политиков прорывается имперский инстинкт, не говоря уже о настроениях в обществе. Остались державные амбиции, но нет самой империи и соответствующих для ее восстановления политических и силовых ресурсов. Время требует подтверждения величия русского духа, а новая мессианская доктрина отсутствует. Один из эмигрантов Г.Н.Полковников так выразил credo российского мышления: «Народ без мессианской идеи – бездарный, исторически ненужный народ»¹⁷. Сомнительный тезис, но адекватный условиям сознанию населения России.

В момент становления России как державы псковский монах Филофей в послании к великому князю Василию III так сформулировал идеологию: «Блюди и внемли, благочестивый царь, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий [Москва] стоит, а четвертому не быти». Такое мироощущение закладывало в Московскую Русь вселенские претензии. Вместе с этим, по словам Н.Бердяева, «империалистический соблазн входит в мессианское сознание»¹⁸. Новое мировоззрение стало путеводной звездой великой России, хотя и заложило противоречия, которые дают о себе знать по сей день. Н.Бердяев пишет: «Духовный провал идеи Москвы, как Третьего Рима, был именно в том, что Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя и, наконец, как Третий Интернационал. Царь был признан заместителем Бога на земле. Царю принадлежали заботы не только об интересах царства, но и о спасении души. На этом особенно настаивал Иоанн Грозный»¹⁹. Именно Иван Грозный начал расширение Московия за пределы русских княжеств, покосившись на татарские земли. Он начал реализовывать мессианские идеи исходя из принципа «жаловать есьми своих холопов вольны, а и казнить вольны же». Произвол стал главным методом управления, более того, стал частью российской политической культуры. Наследие Ивана Грозного до сегодняшнего дня не дает покоя политикам, но в XXI в. мессианство не нашло должного оформления, а взамен на рынке идей ничего «соблазнительного» не предлагается. Б.Ельцин в свое время обещал даже премию тем, кто изобретет «национальную идею», но различные «манифесты» и «программы» оказались лишь интеллектуальной игрой ума.

Что мы имеем в итоге? Царская империя себя не оправдала, монархией население интересуется исключитель-

но в форме художественных и документальных фильмов. Советская империя распалась и коммунистические идеи довольно быстро забылись. Либерализм не прижился. Идеологический вакуум заполнили дорогие для российской души мифы, предметы самолюбования, иллюзии, поддерживающие уязвленное самолюбие. Начало нового тысячелетия обозначило время реанимации некоторых национальных ценностей, воспоминаний героических страниц прошлого, обращение к месту и не к месту за наставлениями к православным иерархам. Как отмечают социологи, «выполненная по новейшим технологиям имитация “большого державного стиля” советского или еще более раннего — дореволюционного — времени (игра в солдатики, манипуляция имперскими и советскими символами — от георгиевской ленты до красной звезды, ритуалы парадов и встреч, периодическое принятие позы государственной решительности и отеческой заботы и т.п.) заменила собой выработку национальной идеи, была использована в качестве суррогата большой политики и в таком виде без труда усвоена значительной частью государственно-телевизируемого населения»²⁰. Сегодня уже не ждут от руководителей и интеллектуальной элиты масштабных программ, серьезных перемен, модернизации государства и экономики. «Жаркие» дискуссии на злободневные темы стали частью шоу-бизнеса.

Как показывает опыт идеологических наработок последних лет, стилистические правки социалистических, либеральных, державных идей не дали ожидаемого результата. «Властителей дум» на горизонте не появилось. Идеологи полагают, что ошиблись конкретные люди, которые не сумели реализовать замечательные идеи и мало обращают внимания на логику обстоятельств, требующую смены парадигмы мышления. Предлагаются очередные мессианские идеи, в надежде разбудить русский дух, но время мессианства для России прошло безвозвратно.

В русской общественной мысли никогда не было недостатка в критической литературе, однако она очень часто носила чисто абстрактный характер, как мечты о мифической далекой России. Все это особенно выпукло проявилось во время революции 1917 г., когда лидеры наиболее видных партий оказались не готовыми возглавить политические процессы, позволив горстке энергичных большевиков взять власть в свои руки.

Из идейных течений XIX—XX вв. наибольший интерес представляют славянофилы и западники, которые спорили вокруг проблем, всплывших впоследствии у евразийцев. Славянофилы обратили внимание на исконные корни России и основой общества считали крестьянскую общину. По К.С. Аксакову, жизнь русского народа заключалась в реализации «внутренней правды» (религиозности), а государство воплощало «внешнюю правду» (законодательство). Отсюда появился лозунг: «Народу — сила мнения, государству — сила власти». Гармония государства и народа существовала, с точки зрения К.С.Аксакова, в XVI—XVII вв. в лице Земских соборов, разрушенных впоследствии Петром I. Реформы Петра I создали конфликт между крестьянами и помещиками, государством и народом, поэтому славянофилы противопоставляли «московский» и «петербургский» периоды в истории России. Они провозгласили догмат о «гнилости Европы».

Западники выступали против патриархальности славянофилов и официальной идеологии. Когда в Европе начались революции, обновившие весь политический и социальный строй на началах демократии и народовластия, граф Уваров, министр времен Николая I, заявил, что Россия ограждена от смуты, благодаря сохранению исконных патриархальных начал: неограниченности царской власти, неподвижности православной веры и послушания народных масс. Однако его формула «самодержавие, православие, народность» не спасла Россию от грандиозной смуты в виде революции.

Западники были последовательными противниками крепостного права, выступали за раскрепощение личности, заимствование передовых европейских идей. Несмотря на петровские истоки, далеко не все западники были настроены пропетровски. Например, А.И.Герцен писал, что Петр I «усилил права дворянства и еще крепче затянул цепь крепостничества», по его мнению, элементы европейской культуры, насильственно внедренные в русскую жизнь, затронули лишь верхушку общества, в итоге «переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей, просвещенных рабов». Любопытно, что декабристы, воспитанные на идеях великой французской революции, требовавшие свобод и перемен в имперском строе, собственных крестьян, однако ж на волю не отпустили. Крепостное право воспринималось дворянами как неотъемлемая черта русского строя, а с недостатками правления можно было якобы справиться, подорвав императора на бомбе.

Декабристов сменили социалисты, вдохновленные идеями Руссо. Идеи социал-демократии, привнесенные в Россию Плехановым, были чистым западничеством. К XX в. социализм целиком захватил умы. Русских либералов в западноевропейском смысле практически не было. Однако эсеры и социал-демократы показали себя деятельными, они боролись с самодержавием и тем становились привлекательными для масс. К этому времени царское правительство показало полную свою недееспособность, оно без особого успеха пыталось провести запоздалые и весьма сомнительные реформы П.Столыпина. «Когда в 1900-х гг. понадобилось решительное оживление охранительно-творческих сил в среде поместного дворянства и правящего класса, — пишет П.П.Сувчинский, — отсутствие твердости и воли, сказавшееся уже в “эпоху великих реформ”, привело к окончательному падению всей системы русской государственности. Столыпинский ренессанс, значение которого те-

перь стараются всячески преувеличить, при всей правильности намеченных им целей, обанкротился перед революцией, как раз именно отсутствием целостного замысла и воли»²¹. Поэтому перед событиями 1917 г. исторический исход был предрешен в пользу социалистов и весь вопрос заключался в том, кто же возглавит движение: социал-революционеры или большевики, Чернов или Ленин. Большевики оказались в нужное время, в нужном месте, проявив необходимые качества организаторов и должную беспринципность. 18 октября Ленин написал «Письмо товарищам», где убеждал поднять восстание: «Выхода нет, объективно нет, не может быть кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата». Как писали эмигранты из лагеря противников, «большевики лишь развязали инстинкты толпы и дали им пищу, в дальнейшем они окончательно оформляют их, приводят в систему, составляют из себя штаб. Создать все движение десяти тысячам коммунистов было, конечно, не по силам, да этого и не нужно было. За них работала сама прошлая история России...»²². Большевики оказались не только близки к народу, а были подхвачены толпой, они глотнули все прелести настроений «низов», обезумевших от голода, насилий, безысходности. Не в кабинетных дискуссиях, а прямо на улице, где «валялась власть», они почувствовали, что прикоснулись к чему-то судьбоносному.

Взять власть еще не значит реализовать притягательные лозунги, когда тянется шлейф из нерешенных вопросов на фронтах, заводах, на селе, с казачеством, интеллигенцией. Нужно было кормить людей не обещаниями, а хлебом. Введение «НЭП» было мерой вынужденной и опасной в политическом плане. Опасность исходила как от вновь нарождавшихся буржуазных элементов, так и левой оппозиции, ведь «НЭП» противоречил всем предыдущим идеологическим установкам. Если многие прятались за словами типа «вынужденная», «временная передышка»,

то самый грамотный теоретик среди коммунистов Н.Бухарин прямо заявил: «Обогащайтесь!».

Вместе с «НЭП» возникли сомнения в правильности идеи диктатуры пролетариата в преимущественно крестьянской стране, необходимости социализации промышленности, чья эффективность стремительно падала. Для индустриализации нужно было прорвать блокаду вокруг Советской России, чтобы завозить современную технику. Однако ожидание мировой революции не оправдывалось, «мировой пожар» не раздувался, европейские рабочие оказались достаточно прагматичными и не стали перенимать «русский опыт». Большевики обратили взор на Восток, где могли оказаться привлекательными антиколониальные лозунги. Несмотря на активность на международной арене, кольцо блокады вокруг Советской России сжималось. Оппозиция в лице Троцкого и Зиновьева не преминула воспользоваться сложившейся ситуацией. Авторитет Троцкого как соратника Ленина, а также Зиновьева, возглавлявшего Коминтерн, был несравненно выше, чем у Сталина. Преимущество Сталина было в его приземленности. Он хорошо понимал, что иссякает срок жизни старых лозунгов. Люди, вернувшиеся с баррикад по домам, должны обустроиваться и со временем эмоциональная сила идей пропадает, а свобода разбивается о быт, поскольку жизнь оборачивается борьбой за кусок хлеба. Человек устаёт от свободы. Еще Аристотель заметил, что большинство людей – рабы по природе, и если их освобождают от цепей, они не могут справиться с широким выбором в действиях, не имеют нравственных сил взять на себя ответственность за свои поступки, а потому стремятся на кого-то их переложить. Диктатура пролетариата исчерпала себя с переходом к бюрократической государственности, которая в свою очередь постепенно обернулась диктатурой личности.

События послереволюционных лет высветили тему судьбы России наибо-

лее выпукло. С 1930-х гг. насилие стало орудием преобразований. Дискуссиям места не осталось. Восторжествовали полное одобрение курса партии, культ личности, шельмование отщепенцев и уничтожающая критика мировой буржуазии. Дело, начатое Петром I, пришло к своему логическому тупику. Все прошлое было отвергнуто, а новое негде было брать, поскольку Европа перестала быть образцом. Анализируя основной вектор движения революции, Н.С.Трубецкой в 1925 г. писал: «То, что продельвается в этом отношении над широкими народными массами, иной раз до мелочей напоминает то, что продельвали в свое время Петр I и его преемники над русским дворянством. Разница только в масштабе, ибо Петр I ограничивал свою задачу только европеизацией дворянства, полагая, что оно уже само дальше будет производить ту же работу европеизации над другими слоями населения, теперь же советская власть принялась за сами народные массы. Но если отвлечься от разницы масштабов, аналогия получится в некоторых пунктах поразительная. Комсомольство, антирелигиозные представления, проповедь половой разнуданности и борьба со стыдом — все это Петр I продельвал двести лет тому назад, но только над сравнительно ограниченным кругом знати и дворянства, а теперь это продельвается над всем народом. Борьба с русской церковью — явление тоже не новое. Учреждением синода и оберпрокурора Петр I нанес русской церкви гораздо более тяжелый удар, чем советская власть арестом патриарха. Екатерина II, закрывшая 80% монастырей, реквизиравшая столь же значительную часть церковного имущества и сгноившая в ревельской крепости епископа Арсения Мациевича, стойко сопротивлявшегося ее антицерковной политике, предвосхитила поход советской власти против церкви»²³. Не случайно Сталин превозносил Петра I, хотя коммунистическое мировоззрение в основе антимонархическое. Две зловещие фигуры — Ивана Грозного и

Петра I, нанесшие наибольший вред характеру России, неизменно всплывают, когда в политических кругах мечтают о «жесткой руке». Кстати, любопытный факт. Во время революции снесли памятники всем монархам, а вот скульптуру первого «большевика» Петра I сохранили. Властный инстинкт порой сильнее официальных доктрин.

В эмиграции бывшие политические лидеры занимались выяснением вопроса кто виноват в катастрофе империи, упражнялись в предсказаниях скорого краха большевизма и дискутировали по вопросу восстановления монархического строя или же преобразования пролетарской республики в демократическую. В книге «Русский “Термидор”», выпущенной в Харбине издательством «Свобода России», есть такие строки: «На другой день после большевистского переворота подавляющее большинство интеллигентных представителей русского общества высказывало уверенность в том, что большевики продержатся у власти недолго. Большевизм считали явлением случайным. Люди научного склада мышления, историки и социологи, как П.Миллюков, политические деятели, как Чернов и Савинков, представители капитала, как Лианозов и Третьяков, военной силы, как Юденич и Деникин, — словом, представители революции и монархии в этом вопросе были солидарны»²⁴. Вся эмиграция жила ожиданием конца Советской России, совершенно серьезно и обстоятельно обсуждая формы государственного устройства. Известный политик П.Н.Миллюков писал: «Возможно ли и нужно ли, чтобы после революции Россия стала республикой, а не монархией?»²⁵. На страницах своей книги он доказывает причины непринятия населением монархии и в завершении заключает, что превращение пролетарской республики в демократическую «повелительно диктуется безысходным кризисом, в котором уже сейчас находится советская власть и который будет усиливаться, пока она не откажется от тактики введения социализма в Рос-

сии»²⁶. Не вдаваясь в детали дискуссий эмигрантских кругов, отметим одну общую черту — все рассуждали в рамках той же логики, что и раньше. Пожалуй, только евразийцы поставили вопрос иначе — о пересмотре самих подходов к исследованию основ общественного устройства России. Тем они и интересны.

Евразийцы обратили внимание на одну особенность русской действительности — политическая элита отвергала все великое оригинальное собственно российское и охотно заимствовала чужое, даже в примитивном изложении. Русская революция, повлиявшая на ход событий XX в., стала ярким подтверждением этой прискорбной истины. Будучи в эмиграции, Федор Степун писал в статье «Мысли о России»: «Всю философию русской революции можно без труда изложить в подстрочных примечаниях к истории западной философии конца восемнадцатого и середины девятнадцатого века». Социалисты, как дворяне, так и разночинцы, знакомые с Западом издавна, только книжно, мечтали о мировом переустройстве. Их дело заключалось в теоретизировании, причем касалось области государственной, поскольку русский человек всегда привязан и зависим от государства, а общественное переустройство видит через призму власти. Цареубийство рассматривалось как способ достижения свободы. А ведь русская мысль именно в предреволюционные годы достигла своей вершины. Достаточно вспомнить Достоевского, Толстого, Бердяева и др. деятелей мирового масштаба. В то время, когда вся Европа находилась под впечатлением русской культуры, в России экспериментировали в пошлом прозападном стиле, а затем предложили миру собственную модель социализма, которая оказалась карикатурой на европейскую социал-демократию.

Советская власть, не оправдавшая надежд значительной части человечества, была основательно раскритикована в эпоху «гласности». Идеологическое знамя подхватили либералы, но не смогли увлечь массы. Они повторили

те же ошибки, что сделали Петр I и руководители социалистической революции — пытались пересадить образцы западной демократии, растоптали все национальное. Если выразиться словами того же Федора Степуна, российские либералы «спят и видят, как бы самобытную Русь превратить в обезьяну Европы». Не случайно «перестройка» зашла в тупик, но, кроме идеологических факторов, для кризиса были причины также политического и экономического характера. Общество, вышедшее из недр тоталитарного режима, не имевшее в прошлом либеральных традиций, население, привыкшее просить и ждать от государства милостей, было психологически не готово к демократии. Многопартийность не могла возникнуть в силу отсутствия соответствующей культуры, а потому выборы в Госдуму и местные парламенты не влияли на расстановку политических сил. Закулисная политическая элита определяла ход исторических событий, а контролируемые СМИ преподносили именно то, что народ должен был знать. Переход к рыночной экономике был довольно болезненным, а потому вся либеральная идеология как в политическом, так и экономическом плане оказалась невостребованной. «Перестройка» с ее мечтами и надеждами скоро забылась. Н.С.Трубецкой мог бы повторить сегодня то, что он говорил о революции: «Россия все еще находится на том же гибельном пути, на который завел ее в свое время перестаравшийся Петр I; Россия, как и до революции, остается провинцией европейской цивилизации, да к тому же еще опытным полем для производства рискованных опытов применения теорий европейских мечтателей-публицистов, опытов, для которых европейцы свой собственный ценный человеческий материал жалеют»²⁷. Несмотря на антизападную риторику, нынешняя российская политика творится с оглядкой на Европу и США.

Естественно, в начале XXI в. вспомнили о Петре I. «Вертикаль власти», ко-

торую предложил президент В.Путин, по сути своей была всего лишь попыткой максимально сконцентрировать власть в своих руках, отказавшись от дальнейшей федерализации страны. Однако «вертикаль власти» не может служить идеологией, более того, абсурдные изобретения вроде фраз «управляемая демократия» показали мировоззренческую беспомощность новой постельциновской команды, а централизация административного управления не содействовала повышению ее эффективности. От демократии и федерализма начали отступать, но никуда не пришли, или можно сказать, что пришли в никуда. Д.Медведев, к его чести, и не пытался что-либо предложить оригинальное, полностью полагаясь на прагматизм, что в создавшихся условиях стало вполне приемлемым, а может быть, единственно разумным подходом.

Идейный кризис в России привел к любопытной метаморфозе — мировоззренческие функции начали переходить к истории. Г.Зверева пишет: «В учебных текстах по истории России историософские константы служат своего рода “навигационными инструментами”, с помощью которых произвольно отображаются исторические события встраиваются в телеологическую версию отечественной истории»²⁸. Весьма примечательно активное вмешательство государственных органов в дела истории, что проявилось не только в создании специальной комиссии для устранения ошибочных суждений в учебниках, но и в поиске официальных праздников, которые могли бы объединить общество. Одним из предложений было закрепление дня победы на Куликовом поле в качестве общенационального праздника, но расхожая трактовка этой битвы, как победы русского оружия над татарами, не создает праздничного настроения и не соответствует действительности. В официальной версии Куликовской битвы дружбы русских и татар не получается, а подлинная история приходит в противоречие с идеологическими установками российского руководства.

Поиски со стороны федерального центра темы для всеобщего государственного праздника привели к предложению отмечать события, связанные с изгнанием «польских захватчиков» из Москвы. Его назвали «День народного единства». В пояснительной записке к проекту закона записано: «4 ноября 1612 г. воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе». В учебниках пишут, будто «смута обострила патриотическое сознание самостоятельной исторической судьбы России всеми сословиями»²⁹. На самом деле в период смуты разные сословия преследовали самые разные цели, включая унию с Польшей или союз со Швецией.

Бояре московские надеялись на сына польского короля Сигизмунда Владислава. После свержения Шуйского московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитой, они просили Сигизмунда дать им на русский престол Владислава. Поляки помогли справиться с Тушинским «вором» и Москва присягнула Владиславу. А вслед за этим присягнули Коломна, Серпухов, Тула, Рязань и т.д. Не было тогда патриотического сознания. Война с поляками началась, когда власть Владислава выродилась в диктатуру Сигизмунда, вот тогда началось сопротивление, принявшее характер национальной борьбы.

В то время среди русских были также сторонники воцарения шведской династии на московском престоле, хотя их не привлекал протестантизм как ненавистное «латинство». «Царь из иностранцев многим казался тогда возможным, — пишет известный историк С.Ф.Платонов. — Незадолго перед собором Пожарский ссылался со шведами об избрании Филиппа, сына Карла IX; точно так же начал он дело об избрании сына германского императора

Рудольфа. Но это был только дипломатический маневр, употребленный им с целью приобрести нейтралитет одних и союз других. Тем не менее мысль об иноземном царе была в Москве, и была именно у боярства»³⁰. Наряду с подобными настроениями, существовали откровенно сепаратистские движения в Пскове, Путивле, Арзамасе, Астрахани, которые стали практически самостоятельными территориями. В это время в Новгороде Великом правила шведская администрация. То, что объединяло разнородные, враждующие друг с другом политические силы России, было православием. Защищали Москву как православную столицу, остальные мотивы были второстепенными.

Кузьма Минин и князь Пожарский исходили скорее из житейских соображений или даже экономических интересов, нежели идей защиты государственности³¹. При этом Пожарский воевал с казаками не менее ожесточенно, чем с поляками. Но то, что объединяло русских и казаков, было православие. Оно же разделило русских и поляков.

Независимо от того, какие общенациональные праздники пытаются найти в Российской Федерации и как их интерпретируют, очевидно, что официальная власть ищет идейную опору в истории, что весьма симптоматично. Следует заметить, что для евразийцев история служила исходным материалом для далеко идущих выводов и это было их сильной стороной. Тем не менее будет верным утверждение, что путем учреждения общенациональных праздников не создать ценности и нор-

мы, способные объединить российское общество, и даже правдивая история не может заменить концепцию развития общества. Нужны мысли, способные интегрировать экономику, внутреннюю и внешнюю политику, науку и т.д. в целостное мировоззрение.

Итак, при анализе сложившейся в России ситуации приходится отталкиваться от ряда фактов. Первое и главное — это то, что Россия перестала быть великой державой и не имеет достаточного потенциала для возвращения этого статуса, а общественное сознание не готово воспринять страну рядовым государством.

Другой факт, требующий осмысления, — распад «Большой России». Если СССР распался, как утверждают некоторые политологи, по совершенно объективным причинам, то где в таком случае «естественные границы» государства и не распадется ли по такому же сценарию Российская Федерация?

Третий факт касается судьбы СНГ. Проведение переговоров глав государств без галстуков на высшем уровне не говорит о серьезности самой политики. За время со дня создания СНГ европейские страны сумели объединиться в Союз с единой границей, паспортом, валютой, внутренней и внешней политикой, законами и т.д. СНГ за это время не продвинулись ни на шаг. Вокруг СНГ больше разговоров, нежели реальных дел. Понимание этих фактов необходимо для выстраивания политики вне мессианских соблазнов.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фрэнсис Фукуяма*: люди устали жить в состоянии мира и процветания // Главная тема, январь 2005. — С. 272.

² *Арбатов А.* Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. Т. 3, ноябрь-декабрь. — 2005. — С. 87.

³ *Козн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза // Вестник аналитики. — 2006. — № 4. — С. 37.

⁴ Там же.

⁵ *Даниель Дж. Элазар.* Европейское сообщество: между государственным суверенитетом и субсидиарностью, или Иерархия против коллегиальности в управлении Европейским сообществом // Казанский федералист. — Казань, № 4, осень, 2002. — С. 75.

⁶ Назарбаев Н.А. К экономике знаний – через инновации и образование // Евразийский университет и мир Евразии. Выступления глав государств, министров, руководителей государственных органов, общественных деятелей Республики Казахстан и зарубежных стран в ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – Астана, 2006. – С. 713.

⁷ И.Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – Берлин, 1925. – С. 36; Работа была переиздана в кн.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – М., 1999.

⁸ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 44.

⁹ Бердяев Н. Евразийцы // ПАНОРАМА-ФОРУМ, 1997, № 1. – С. 28.

¹⁰ Бердяев Н. Философия свободы. – М., 2002. – С. 397.

¹¹ Джон Стюарт Милль. О свободе. – С.-Петербург, 1900. – С. 138–139.

¹² Фрэнсис Фукуяма. Конец истории и последний человек. – М., 2004. – С. 391.

¹³ См.: Эрих Фромм. Бегство от свободы. – Минск, 2004.

¹⁴ Панарин А. Особый дар // Дружба народов. – 2004, № 1.

¹⁵ Бердяев Н. Философия свободы... – С. 325.

¹⁶ Там же. – С. 326.

¹⁷ Полковников Г.Н. Диалектика истории. – Париж, 1931. – С. 35.

¹⁸ Бердяев Н. Русская идея. – М., 2002. – С. 20.

¹⁹ Бердяев Н. Русская идея... – С. 20.

²⁰ Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Сентябрь-октябрь, 2005. – С. 15.

²¹ Сувчинский П.П. К познанию современности // Евразийский Временник, кн. V. – Париж, 1925. – С. 22.

²² Спектатор. Русский «Термидор». (Сумерки коммунизма.) – Харбин, 1927. – С. 30.

²³ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 49–50.

²⁴ Спектатор. Русский «Термидор». (Сумерки коммунизма.) – Харбин, 1927. – С. 1.

²⁵ Миллюков П.Н. Республика или монархия? – Париж, 1929. – С. 3.

²⁶ Миллюков П.Н. Республика... – С. 28.

²⁷ И.Р. Наследие Чингисхана... – С. 50.

²⁸ Галина Зверева. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. 2005, сентябрь-октябрь. – С. 31.

²⁹ История России с древнейших времен до конца XVII века. – М., 1996. – С. 495.

³⁰ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 2004. – С. 342.

³¹ См. Николай Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. – М., 1994. – С. 792–793.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.